

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

СЕКРЕТНАЯ ГЛУШЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на переплете *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Секретная глушь / Валерий Шарапов. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-235448-9

1946 год. В одном из отдаленных районов Смоленской области обнаружен зарезанным бывший полицей, прислуживавший в здешних местах во время оккупации и пропавший вместе с фашистами после их отступления. Свидетели утверждают, что незадолго до происшествия видели, как этот тип выходил из урочища, о котором ходили страшные, почти неправдоподобные слухи. Местные поговаривали, что смельчаки, проявлявшие интерес к урочищу, заканчивали жизнь трагически. Участковый лейтенант Глеб Соснин решает в одиночку проверить, как могут быть связаны мистические легенды о гиблом месте с чередой таинственных смертей. Оперативник даже не предполагал, какая опасность поджидает его там, в глуши...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235448-9

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ночь на понедельник, 20 мая 1946 года.

Страшный сон сменился страшной явью — в дверь кто-то громко колотил.

— Глеб Максимович, вставайте! — взволнованно кричал мужчина. — Это Карпов, у нас ЧП! Кро- тов зарубил жену!

Глеб соскочил с кровати — одуревший, взъеро- шенный. Пришла беда, откуда не ждали. Он даже не сразу сообразил, кто такой Кро- тов, и замотал головой, чтобы избавиться от дури. Бесполезно, ее ничем не выбить. В дверь тем временем продолжа- ли колотить. Егор Васильевич, председатель сель- совета, что-то отчаянно и с надрывом кричал. Глеб, прыгая на одной ноге, влез в брючины, натянул са- поги, набросил на плечи китель. И где эта чертова кобура? Найдя ее, Глеб кинулся к двери и открыл ее. Свет от тусклой лампочки плясал по лицам лю- дей. Егор Васильевич был бледен, как мертвец. За его спиной кто-то еще маячил.

— Ужасная ситуация, Глеб, — зачастил Карпов. — Поздно сообщили, мать их за ногу... Они еще с полуночи начали ссориться... Ну как ссориться — Ванька орал, кричал, что она изменяет ему со всеми подряд, что таращится во все гляделки на нового участкового — на тебя то бишь... Анастасия плакала, мол, не виновата ни в чем, он сам все выдумал. Но Ваньку было уже не остановить — взбеленился мужик и зарубил ее...

— Как это — зарубил?!

— Ну так это... топором...

Глеб скатился с крыльца и бросился к калитке. Кажется, он вспомнил Ваньку... Одноногий фронтовик — угрюмый, ненавидящий все человечество, особенно тех, кто живет вокруг него. Пил, сидел на каких-то лекарствах. Однажды пообщались — было видно, что человек едва держится, чтобы не взорваться. А Анастасия — скромная, миловидная, с вечно уставшим лицом и виноватой улыбкой. Вот какого черта жила с этим бирюком? Любила? Ага, щас! Русских баб никаким умом не понять. В них можно только верить, если переиначить классика...

Он выбрался из калитки, побежал через дорогу в проулок — на параллельную Советскую улицу. Грязь на проезжей части никогда не высыхала, но ладно, на то и сапоги...

Искать избу не пришлось, у ограды стояли люди. Тревожно переговаривались деревенские бабы, покачивался, опираясь на клюку, старик. Анастасия недавно покрасила наличники, и они белели

в полумраке. Чадила керосиновая лампа на столе, пахло сыростью и дымом. В доме не переставая орал мужик, крушил топором мебель, бил посуду.

— Глеб Максимович! — бросилась к нему наперерез соседка через дорогу, Авдотья Лямишева. — Как хорошо, что вы пришли... Ванька Кротов совсем с катушек слетел, посмотрите, что творит...

Кто-то у ограды взволнованно вещал, что сам видел, как Кротов жену зарубил — вот, ей-богу, честное-пречестное! Это просто ужас!

— Он же таблетки постоянно пьет, — вспомнил кто-то. — А еще бухает, вот и тронулся умом, скотина... Бедная Анастасия... У нее же мать на другом конце деревни живет... Как же теперь старушке...

— Глеб Максимович, вы куда? — спохватилась Авдотья и схватила его за болтающуюся полу кителя. — Он же вас того... топором...

Глеб раздраженно оторвал от себя ее руку и шагнул за калитку. Стукнул ногой по двери, распахнув ее настежь, прогремел тазиками по крохотным сеням. В горнице горел тусклый свет. Картина предстала страшная — такая всю жизнь потом мерещится. В горнице царил разгром. Все в крови, в бутылочных осколках. Стол и стулья порублены в труху. Истерзанный труп в домашнем халате. Рубил свою суженую Кротов старательно, ни одного участка не пропустил.

Теперь этот кряжистый одноногий мужик в болтающейся рубахе добивал топором сервант. Вся посуда валялась на полу, в основном битая. Он резко

повернулся на шум, уставился исподлобья. Лицо перекошено, глаза налились кровью. Уже не человек, а какой-то дикий зверь в человеческом обличье.

— Ага, и с тобой, участковый, хотел поговорить... — прохрипел каким-то рваным басом Кротов. — Признайся, спал с моей женой?

Обсуждать было нечего: конечно, не спал. Но разве докажешь? Громила с хриплым выдохом швырнул топор в сторону Глеба, тот даже икнуть не успел. Индеец хренов! Топор вонзился в косяк рядом с его головой, расколол дерево и прочно вошел внутрь. Инвалид взревел и с какой-то невероятной прытью бросился на участкового. Служебный «ТТ» находился в руке Глеба, и он успел бы выстрелить, но не стал этого делать. А Кротов навалился на него, обдав потом и сивухой. Страх ударил в голову, но ненадолго. Глеб тут же нанес удар Кротову кулаком в живот — пусть с короткой дистанции, но постарался. Инвалид шумно выдохнул, стал падать, при этом потащил Глеба за собой! Пистолета в руке уже не было, вот же черт... Они катались по полу, дружно орали, отвешивали друг другу удары... Вспыхнула боль в запястье — напоролся на осколок. Под спиной хрустело стекло. Глеб бил точнее — в живот, по почкам. Одолеть этого бобра было сложно. Какой он, к чертовой матери, инвалид! Кротов вдруг выгнул спину, и Глеб, воспользовавшись этим, ударил его точно в челюсть. Глаза съехались в кучку, но подвижности Кротов не утратил — вскочили одновременно. Но потом

он захрипел, начал терять сознание, глаза его помутнели... Он сделал нетвердый шаг, но тут же получил в грудь, отлетел, вывалив кирпич из угловой части печки, и, ударившись хребтом об пол, взвыл. Оторвался от ноги примитивный протез и куда-то усакал. Кротова рвало, он ползал по полу в месиве крови, рвоты и осколков, зачем-то обнял ногу жены. Зрелище было жалкое.

Глеб встал, переводя дыхание, поднял пистолет и убрал его в кобуру. Хорошо, что не выстрелил... Потом прижал инвалида коленом к полу, бельевой веревкой, валявшейся на печке, связал ему руки за спиной. Кротов брыкался, хрипел что-то непонимое.

Тут в проеме показалась бледная физиономия Карпова. Окинув взглядом пространство, он издал подозрительный горловой звук. Отстранив председателя сельсовета, следом вошел нескладный, рослый Пригорницкий — председатель колхоза. Он пошатнулся, в глазах мелькнул ужас, а потом стал тискать почти оторвавшуюся пуговицу на пиджаке. Следом за ним вбежал еще кто-то, голосили бабы, кого-то рвало.

— Ты молодец, Глеб Максимович... — выдавил из себя Карпов. — Кабы не ты, этот хрен пошел бы всю деревню разносить...

— Да все нормально, Егор Васильевич, — отмахнулся Глеб. — Делаем работу как можем. Объясните, почему соседи тянули, поздно сообщили? Женщина была бы жива...

Егор Васильевич отвел глаза — ответа у него не было. Все сильны задним умом. Кто же знал, что у Кротова снесет крышу и он устроит такую мясорубку? Ведь казался безобидным инвалидом — немного угрюмым, немного не от мира сего.

Пригорницкий отборно выругался, схватил Кротова за шиворот и шмякнул его носом об пол. Глеб отвернулся и вышел в сени. Болела рука, из запястья торчал бутылочный осколок. Он пристроился на перевернутом баке, извлек осколок, перемотал запястье носовым платком, который тут же пропитался кровью.

Прибежал прихрамывающий фельдшер Карамзин Олег Михайлович, мужик за сорок, какой-то бесцветный, похожий на воблу. Увидел, что содеял с супругой Кротов, и схватился за голову, глядя на труп с каким-то пещерным страхом. Медицинская помощь женщине уже не требовалась. В избу стали заходить сельчане. Проходя мимо Глеба, сидящего на баке в расстегнутом кителе, они с сочувствием смотрели на него. Выла горластая Кузьминична, соседка Кротовых. Морга в деревне не было, имелся лишь холодный подвал под фельдшерским пунктом, туда и потащили на носилках потерпевшую. Тюрьму в Шамарах тоже как-то не построили, единственное зарешеченное помещение находилось в подвале под кабинетом деревенского участкового. Правда, кабинет — слишком громко сказано: всего лишь комнатка в пристройке к сельсовету. От дома Кротовых десять минут ходьбы.

Убийца еще не до конца понял, что натворил, он злобно сверкал глазами, бурчал что-то нескладное. Его подняли совместными мужицкими усилиями, награждая тумаками, сунули под мышку костыль, чтобы сам переставлял свою единственную ногу. Протез не тронули, перебьется без протеза — в умелых руках это то же самое оружие. Он ковылял, а если начинал брыкаться, тут же получал пинки и оплеухи. Вскоре вообще притих, только всхлипывал...

До своей хибары Глеб добрался только к четырем часам утра — полностью разбитый. Отомкнул калитку, поплелся по дорожке, устланной сетками от ульев. Поверх трухлявых половиц крыльца лежал жестяной лист — без него половицы давно бы провалились. Домик был маленький, всего две комнатки. Пол скрипел, перекошенные оконные рамы не открывались. Стены и потолок, когда-то беленные известью, вздулись и растрескались. Мебель тоже была ветхой. До Соснина тут жила старушка «божий одуванчик», скончалась она, слава богу, не в доме, а в районной больнице еще в далеком 41-м году. Жилище находилось на балансе сельсовета и практически пять лет пустовало. Когда он прибыл в Шамары три месяца назад и увидел все это, звериная тоска вцепилась в глотку — неужели это все теперь его?

Но человек ко всему привыкает. Снег растаял, грязь местами высохла, душа успокоилась. Дер-

вья зеленели, воздух согревался — и оказалось, что жить можно. Главное, не думать о том, что потерял.

Остаток ночи Глеб ворочался, пугая мышей душераздирающим скрипом кровати, — перед глазами стояла мертвая женщина. Забылся он только под утро, а в восемь часов вскочил: надрывно дребезжал будильник — злейший враг человека. Он поставил чайник на обросшую ржавчиной спираль электроплитки, выбрался на улицу, сполоснулся в бочке, там же почистил зубы детским зубным порошком — чего-то более подходящего в сельмаге не было. С соседнего участка подглядывала моложавая соседка, потерявшая мужа два года назад — зловещее письмо в треугольном конверте пришло уже после освобождения Смоленщины. Красоткой эта особа не была. Она грустно смотрела из-за сарая (мол, не едим — так хоть поглядим), а потом все же решилась:

— Доброе утро, Глеб Максимович! Ну, и как вы здравствуете?

— Доброе утро, Матрена Силантьевна! — отозвался Глеб. — Здравствуем потихоньку, не жалуюмся. А вы, смотрю, чуть свет, и уже в заботах?

— Это для вас, Глеб Максимович, чуть свет, — вздохнула Матрена. — А для нас день уже скоро кончится. Заходите вечером, яичек дам.

За спиной у соседки в кособоком курятнике кудахтали тощие куры, вяло кукарекал петух-заморыш.

— Зайду, Матрена Силантьевна, — пообещал Глеб. — Как-нибудь обязательно зайду.

Он перекинул полотенце через плечо и отправился в дом, провожаемый женским взглядом. О трагическом ночном происшествии соседка, по-видимому, еще не знала.

Настроение было отвратительное. Немало трупов повидал на своем веку Глеб Соснин. Случались моменты, когда трупов вокруг него было больше, чем живых. И все равно привыкнуть не мог: не имели права привлекательные, ни в чем не повинные женщины умирать молодыми...

Милицейский китель сидел на нем неплохо. Лейтенантские погоны уже не отрывались — пришит суровой ниткой. Блестели начищенные ваксой сапоги — надолго ли? Из зеркала, покрытого несмываемой муťou, смотрел усталый, бледноватый мент тридцати четырех лет от роду. Круги под глазами (тоже несмываемые), в принципе побрит, жесткий короткий «ежик» на макушке. Он критически разглядывал свое отражение. Все как обычно — но с каждым днем в нем что-то менялось, причем не в лучшую сторону...

Время до работы еще оставалось, и он сел на крыльцо и закурил папиросу, критически оглядывая свои владения. Огородик был маленький, запущенный. Если что-то доброе из земли и пробивалось — то только зонтики укропа. Садовод-огородник из него был, мягко говоря, не лучший. Никогда не возделывал землю — не стоило и на-

чинать. Вдоль забора росла запущенная малина — лишь недавно начала зеленеть. Приятно припекало солнышко, хотя не сказать, что было жарко. Май в этом послевоенном году выдался прохладным, солнце появлялось не часто, через день шли дожди, превращая дороги в разливы грязи, а местных колхозников избавляя от необходимости поливать свои чахлые огородики.

Воздух насыщали прелые ароматы навоза и прошлогоднего сена. По дороге под присмотром пастушка проплелись три коровы — шли понурые, словно приговоренные к расстрелу. Пастушок смерил сидящего на крыльце милиционера надменным взглядом и задрал нос — как же, неприкасаемая каста. Проехала колхозная полуторка с прохудившимися бортами. В кузове покачивались женские головы. Словно штыки трехлинеек, торчали в небо штыки лопат.

— Здравия желаем, Глеб Максимович! — нестройно, но задорно выкрикнули женщины. А сама бедовая добавила: — Давайте с нами, на сеновале полежим!

Глеб помахал девчатам рукой, наблюдая, как полуторка исчезает за околицей. Колхоз, которым руководил Григорий Петрович Пригорницкий, дышал на ладан, хозяйство загибалось, а партийные товарищи из района выносили Григорию Петровичу последнее «китайское» предупреждение. Какие-то работы еще проводились — надежда оставалась на энтузиазм сельских тружеников

и нового агронома, который никак не мог доехать до Шамар.

Время для расслаблений закончилось. Глеб поднялся, одернул полы кителя, поправил ремень с начищенной детским порошком бляхой и зашагал выполнять поставленные страной задачи. Сегодня было ясно, сухо, практически тепло, но настроение у сельских жителей было не праздничное. Переговаривались соседи через ограду, опечаленно покачивали головами. Ваньку Кротова не жалели — мужик давно съехал с катушек, потерял человеческий облик. Нарушенная психика превратила его в какого-то бешеного зверя. Но Анастасию было жалко. Хоть и дура, что с ним жила, все равно жалко.

В пристройке к сельсовету размещался так называемый опорный пункт милиции. Короткий коридор, санузел с проблемным унитазом, два помещения. Первое было забито старой мебелью, которую председатель Карпов строго запретил выбрасывать, во втором размещался кабинет участкового. Письменный стол с парой выдвижных ящиков, три стула (два из которых хронически были завалены бумагами), дышащий на ладан шкаф. Еще имелся сейф — ржавый, несгораемый, из тех, что можно вынести только экскаватором. Со скверным характером, но в целом штука полезная. Портретов руководителей партии и правительства Глеб не держал — не тот уровень ответственного работника. Иконы для работы и не

требовались. В окне, переклеенном полосками изоленты, виднелась неровная ограда из штакетника, улица Советская. Напротив сельсовета — сельмаг с выцветшей вывеской «Продукты и промтовары». У крыльца магазина разгружалась подвода с молочными бидонами. Две физически развитые женщины поднимали их на крыльцо, втаскивали внутрь. За их работой отрешенно наблюдал, покуривая, анемичный «погоняла кобылы» из райцентра. Иногда вдоль ограды проходили местные бабы в платочках, украдкой косились на окна «приемной» Соснина. Во взглядах проглядывал не только бабий интерес, но и уважение — мол, целого Ваньку заломал. Слухи по деревне разносились с космической скоростью. Новый участковый пользовался бешеным успехом. Почти каждая обитательница Шамар мечтала пристроить его в мужья — или хотя бы временно попользоваться. Мужчина видный, немногословный, бывший военный — да такого здесь отродясь не видели!

Но Глеб держался стойко — женское общество, тем более на постоянной основе, не требовалось.

Деревушка Шамары была среднего пошиба, дворов под сотню, две улицы — Советская и Первомайская, соединенные не просыхающими переулками. Бабье царство, мужиков практически нет, всех война повыбила, а если и были — то десяток калек и пенсионеров плюс «высокое начальство» Карпов и Пригорницкий. Живыми с войны верну-

лись только Мишка Громов — сейчас он работал водителем Егора Васильевича, фельдшер Карамзин, может, еще парочка...

Завалов с работой пока не предвиделось. За ночь никого не отмузили, не своровали сохнувшие на веревке панталоны. С преступностью в деревне было слабовато, ночной инцидент — из ряда вон.

К отдыхающим подошел председатель колхоза Пригорницкий, начал что-то злобно вещать — дескать, заняться в колхозе, что ли, нечем? Бабы не бузили, стали расходиться. «Вот и началось в колхозе утро», — подумал Глеб.

Он подошел к окну, сделал попытку открыть форточку. Старая рама заскрипела, немного поддалась — и на том спасибо. Он стоял у окна и погружался в какое-то липкое оцепенение. Этот мир был чужой, он никак не мог к нему привыкнуть, душа противилась, ночами скручивала тело в бараний рог. А что он хотел? Ссылка отнюдь не почетная. Радуйся, товарищ бывший капитан, что в Магадан за колючку не отправили...

В стране царила разруха, народ влачил жалкое послевоенное существование. Память о войне жила в головах — каленым железом не вытравить. Деревня два года находилась под оккупацией, такое разве забудешь? Страна восстанавливалась ударными темпами. Возможно, в городах и крупных поселках жили лучше. Там появлялись какие-то товары, спекулянты торговали трофейным добром. Население имело относительную свободу — во всяком